Любовь Ладейщикова

Материнский час



Первая книга в столице


СОВРЕМЕННИК



Скажу сразу же, что в лице Любови Ладейщиковой русская поэзия обрела еще одного доброго и щедрого сердцем поэта. Родилась она после войны, однако и на долю ее поколения хватило нужды, как и на долю всего нашего многострадального русского народа. Именно поэтому в стихах слышатся тревожные нотки времени, еще не ставшего далекой историей. Вот строки из стихотворения «Взрывная волна»:

...Что же, мама, с тобою?
Не надо, не плачь!
И письмо фронтовое
В шкатулку не прячь!
Тридцать лет прорастала
В лесах тишина,
Но до сердца достала
Взрывная волна.

Чувством «взрывной волны», чувством матери и материнства проникнута поэма «Материнский час», давшая название всей книге. В поэме — забота о нашей прекрасной земле, об ответственности за ее судьбу, за будущие поколения. Глубоко лирическая по настрою и образному мышлению, эта поэма по всей своей главной сути гражданственна.

Лишь утра
согревающие краски
Сверкнут
на речки синем рукаве,
И снова солнце,
щедрое на ласки,
Привычно приближается,
к Москве.
Над речкою
наклонится напиться,

Согреет башни
древнего Кремля...
...В судьбе моей,
как в капле,
отразится
Твой материнский час,
моя Земля!

Светлое чувство материнства, ответственности за судьбы сыновей в стихах Любови Ладейщиковой тесно соседствует с высоким чувством Родины — нежным и щемящим до боли, тем чувством, которое всегда отличало русскую поэзию от всех поэзий мира. Поэтесса щедро наделена им. Ее стихи проникнуты любовью к природе, к человеку труда, к русской женщине, всегда олицетворявшей красоту и мужество нашего народа, нашей земли по имени Россия. Миру, который принесла поэтесса, веришь, ибо он зримо вырастает из образного строя ее глубоко лирических стихов.

Владимир ФИРСОВ

Любовь
Ладейщикова

Материнский час

Стихотворения
и поэма

«Современник»
Москва
1980

Р2
Л15

Ладейщикова Л. А.

Л15 Материнский час: Стихотворения и поэма. /Предисл. В. Фирсова. — М.: Современник, 1980.— 78 с., 1 л. портр. — (Первая книга в столице).

В поэтическом сборнике свердловчанки Любови Ладейщиковой отразились и цельность характера, и цельность мировоззрения поэтессы, воспевающей, главным образом, незаметный, но высокий труд женщины-матери.

Л $\frac{70402 - 035}{М106(03)-80}$ 200 — 80 4702010200 ББК84.Р7
Р2

* * *

За детский смех в зеленом сквере,
За жаркий шепот за стеной,
За всплеск души:
— Люблю и верю! —
Я поднимаю голос мой.
За родниковый пульс колодца,
За даль, что манит из окна, —
За все, что тайною зовется
И что не вычерпать
До дна.

* * *

А на земле — мой час, мое мгновенье,
Вы слышите мое сердцебиенье?
Немало дней прошло от сотворенья,
А мир — опять и молод, и влюблен!

Купаясь в молоке цветущих веток,
Купаясь в море солнца, в ливне света, —
Я часто забываю, что планета —
Древней, чем колокольный перезвон...

Как знать, о чем меня столетья спросят?
Чьи имена тихонько произносят?
А волны дней, как лодочку, относят
Мое мгновенье в глубину времен...

* * *

Я стала матерью. Я сына
В свою бессонницу внесла.
А с ним — и мужество, и сила,
И нежность в сердце проросла.

Земным спокойствием дыша,
Я мудрости скоплю для внука.
Запомнят всё — глаза и руки,
И слух, и тело, и душа.

Права, хотя и не нова,
Наверно, истина простая, —
Что беспризорно вырастает
Одна лишь сорная трава.

Когда ж родится человек,
То человеку надо много:
И материнскую тревогу,
И Родину на долгий век.

Живу в высоком, светлом тереме...

Одно твое лишь имя помнила.
Стояло солнце высоко.
Была я нежностью наполнена,
Густою, словно молоко.

Теснила грудь рубашка белая,
Казалась комната мала...
Я для тебя, любимый, сделала
Все то, что женщина могла.

Поверь мне: жизнь неиссякаема,
Мы будем вместе много дней,
Хоть я пока недосягаема
Для дерзкой нежности твоей.

Живу в высоком, светлом тереме,
И мальчик маленький со мной...
А ты стоишь внизу, растерянный,
Счастливый, юный и хмельной.

Колыбельная

Уводит осторожная лосиха
Своих детей от пули в чащу леса.
Там иволга разучивает песни,
Там учит быть колючими ежиха.
«Сидите тихо, — говорит зайчиха, —
Мать у волчат — голодная волчиха
На промысел выходит поутру,
Придет и унесет в свою нору...»
Спи, мой сыночек, то лесная сказка.
Мать человека учит только ласкам.
Не замутить бы воду в синих реках.
Не вырастить бы злого человека...

* * *

Ты появился мальчиком на свет,
Ответственность легла тебе на плечи.
Ты слаб. Но я пою тебе под вечер:
Ты будешь сильным через двадцать лет!

Добра и зла еще не совершив,
Ты сладко спишь. Для маленького тела,
Сказать по правде, нет важнее дела,
Чем спать, ресницы длинные смежив.

Каким ты будешь через двадцать лет?
Расти, моя счастливая тревога,
Светла ли, широка ль твоя дорога?
...Но только время сможет дать ответ.

Баллада о сладком яблоке

В полутемных домах
сорок первого года,
Будто в погребе,
холодно и страшновато.
Догорает свеча.
Ледяная погода.
Лица спящих детей
словно серая вата.
Неужель этот вечер
и впрямь новогодний?
Мать безмолвно сидит
у конверта пустого.
Дети спят.
Самый маленький,
самый голодный
Вспоминает какое-то
сладкое слово.
Хлеба нет.
Дребезжание стекол привычно.
Ненавистно унылое слово — блокада.
Догорает свеча.
Завтра кончатся спички...
Сон недолгий — забвенье
от воя снарядов.
...Снится яблоко матери.
Тонкая кожа
И румянец на левой его половине.
Снится яблоко матери.
Боже, о боже!
Яблок нету в помине,
как жару в камине!

Но во сне — оно есть.
Мать его поделила,
Размечтавшись,
на несколько маленьких долек...
Но какая-то странная,
сонная сила
Вдруг лишила ее
и сознанья, и воли.
В то мгновенье
очнуться она не успела,
И — рука невзначай
до плода дотянулась.
Тут — голодная женщина
яблоко съела —
И от боли и ужаса —
тотчас проснулась.
...Лица спящих детей
словно серая вата.
Над землею
бессонно война грохотала.
И, как будто бы в чем-то
была виновата, —
Мать прощенья просила,
молила,
шептала...

Игрушки

Отдыхают винтовки и пушки,
Затихают дворцы и дома...
Собираю в коробку игрушки
И как будто играю сама.

Дети спят. Они за день устали.
Лунный луч словно тонкая нить...
То, что дети легко разломали, —
Мне не так-то легко починить.

Наклонясь над дворцами, домами,
Я стараюсь почти не дышать...
Мир, что дети построили сами,
Так не хочется мне разрушать!

* * *

Черные полосы. Детские страхи.
Полночь. Зима. Тишина.
Маленькой девочкой в белой рубахе
В комнату входит луна.

Тихо подходит к трепещущей шторке,
Прячет в ладони лицо.
Медленно-медленно катится с горки
Светлая тень на крыльцо...

Сердце, как малая, глупая птаха,
Бьется, не смея взлетать.
...В тысячный раз умираю от страха,
Чтобы бесстрашною стать.

* * *

Я — пылинка земная
И камешек острый.
В злом засяду глазу.
И огонь сберегу.
Если в жизни все будет
Уютно и просто,
Я, наверное, жить на земле
Не смогу!
В моем теле бушуют
Вселенские страсти,
В моем сердце надежда
Не гасит огни.
Я должна отстоять
Свое право на счастье:
На бессонные ночи,
На трудные дни.

* * *

В кувшине ветка зацвела
Зимой под Новый год,
Листвой зеленой обросла,
Забыв, что снег идет.

Кувшин на столике стоял,
Но ни один листок
С волшебной ветки не упал,
Как смятый лоскуток.

...А я в ту пору так ждала
Несбыточных чудес,
Что вместе с веткой ожила
Без солнышка и без —

Всего, чему тесны слова,
Что в сердце берегу, —
Покуда веточка жива,
Я многое смогу.

* * *

Нажгло глаза телеэкраном:
И кровь, и стон со всех сторон...
И — неожиданно и странно
Ты улыбаешься сквозь сон.

А фильм военный будет длиться
Еще, наверно, полчаса:
Близка победа, но дымится
Прифронтовая полоса...

Пусть крутится кинокартина!
И в этом нет большой вины,
Что ты уснул посередине
Тобой не виданной войны.

Ты спишь спокойно, беззаботно.
Но до конца доводит бой, —
Ровесник твой, в пилотке потной,
Среди метели фронтовой...

Тишина

На тихой улице березы
Вплелись корнями в глубь земли.
Послевоенные морозы
Лишить их соков не смогли.

Ветвей коротенькие шпаги
Окрепли и, поднявшись ввысь,
С тридцатилетнею отвагой
Над нашей крышей поднялись.

...А помнишь, деревце-ровесник,
Как были в юности дружны?
Мы родились с тобою вместе
После войны, из тишины...

Из пепла поднялись дубравы,
Очнулись птицы и цветы.
Из тишины возникли травы
Непобедимой красоты.

А о березах нет и речи —
Не зря их в песнях вознесли, —
Они мне кажутся при встрече
Зеленым символом земли,

Веселым, летним светофором:
Живи, дыши, свободен путь.
Окно, задернутое шторой,
Открыть к созвездьям не забудь!

Пусть пристальным, щемящим светом
Природа наполняет нас,
И тишина струится с веток
Из года в год, из часа в час...

Взрывная волна

Тридцать лет прорастала
В лесах тишина,
В тишине заплутала
Взрывная волна,
Заровняли воронки,
Замолк пулемет,
Лучик солнечный, тонкий
Над полянкой плывет.
...Что же, мама, с тобою?
Не надо, не плачь!
И письмо фронтовое
В шкатулку не прячь!
Тридцать лет прорастала
В лесах тишина,
Но до сердца достала
Взрывная волна.

* * *

Знойный ветер над космодромом,
Над Землей — голубые сны.
Далеко от родного дома
Улетели опять сыны.

Долго машут им вслед рукою,
Провожая до самых звезд,
Две березоньки над рекою
Высотой в материнский рост.

Раздумье

Пришла пора укрыться одеялом,
Уйти в подушек сонное тепло,
А я тебе, сынок, не рассказала
О той звезде, что смотрит сквозь стекло.

Далекий городок на карте неба,
Манящее окошечко вдали.
Задумчиво раскачивает верба
Полуночные запахи земли.

Привычные, спокойные, земные
Сиреневые тени на стене...
Зачем тебе, скажи, миры иные,
Что видишь ты в межзвездной глубине?

Наверно, я немного близорука.
Горит звезда среди ночных огней,
Как будто неизбежная разлука
С тобой, мой мальчик, через шелест дней.

Крадется ветер по стене отвесной
Прозрачней тени бабочки ночной...
Спи, мой герой, пока что неизвестный,
Пусть крылья вырастают за спиной!

Склонилось время в сторону рассвета,
И вновь готовы к стартам корабли.
И непонятно современным детям,
Как трудно оторваться от Земли.

Как объяснить, что мне всего дороже
Тепло земных, неугасимых дней,
Что утром звезды снова станут строже,
Загадочней, прозрачней, холодней?..

* * *

Намело черемуховым цветом
Белый запах по всему двору.
Что-то очень рано нынче летом
Мамы загоняют детвору...

А какое было здесь веселье —
Ярче первобытного огня!
Ветерок на детской карусели
Догонял летящую меня...

* * *

Давным-давно я, кажется, живу,
И день, и ночь, и синий вечер вижу...
Зачем, скажите, звездную канву
На шелке неба майский месяц выжег?
Зачем грустить о чем-то дорогом,
Чему названье в мире есть едва ли?
Зачем звезда, как будто утюгом,
Прожгла следы на синем покрывале?
Зачем опять над памятью моей
Тот месяц, как над сказкой, наклонился?
И с каждою минутой все сильней
Комочек сердца под рубашкой бился...

Все, что желанно...

На звездный шорох,
На листьев ворох,
На каждый звук,—
На звон и шепот,
На ветра ропот,
На сердца стук —

Срываюсь с места
И, как невеста,
Гляжу в окно,
Но за порогом
И на дороге
Темным-темно...

...Все, что желанно,
Пришло нежданно,
Как чистый снег.
Душой не стыну,
Качаю сына,
Люблю — навек.

Земная доля —
По доброй воле
Ночей не спать.
Ласкать — рукою,
Не знать покоя
И вечно ждать.

* * *

От верности не отступлюсь —
Да, я поклонник постоянства:
Покуда к солнышку тянусь —
Широким кажется пространство.

В пространство это окунусь
До наступления рассвета
И, словно малая планета,
К тебе, постранствовав, вернусь.

Пусть заново развеют грусть
Почти забытые улыбки.
Все в мире трепетно и зыбко,
Но от любви не отступлюсь.

Пока живу, пока учусь
С душой своей водить беседы,
Не будут легкими победы
На сложных перекрестках чувств.

Придется пробовать на вкус
И мед, и горечь откровенья,
Но если два столкнутся мненья —
От слов своих не отступлюсь.

* * *

Ю. Конецкому

От дождя, от осеннего шума ли,
От шептанья листвы под окном,—
Говорили о разном, а думали
Много долгих ночей об одном.

Не просила душа покаяния.
Но однажды, в предутренний час,
Неизбежная суть расставания
Неразлучными сделала нас.

Может, листьев бездомных кружение
В ожидании скорой зимы
Заставляет идти на сближение
Непокорные наши умы?

Может, это судьба неминучая
С равновесием встреч и разлук
Возвращает все самое лучшее,
Что не раз выпускали из рук?..

* * *

Да будет грусть светла н глубока!
Какие нас нн обжигают беды —
Все ж хочется оставнть на века
О мужестве и верности легенды!

Забудется бестрепетная ложь,
Залечит время — раны и обнды.
Души моей застенчивая дрожь,
И гнев, и слезы — будут позабыты.

Останутся лишь отблески огня,
Огня душн, взволнованной и иежной,—
Слова легеид, все лучшее храня,
Наполнят нас любовью и надеждой...

Цветок

Глаза ему не раскрывали —
Он сам проснулся ото сна.
Его ласкали, поливали,
Но дело сделала весна.
Водичка вылилась до донца
Из детской лейки голубой...
А дальше — все бери от солнца
Да чувствуй землю под собой!

* * *

Он самым первым посадил цветы
Под самым небом, на своем балконе.
Жил человек в пятиэтажном доме
И был большой ценитель красоты.
Его сосед жил ниже этажом.
Он дни и ночи был по горло занят.
И все же близорукими глазами
Почувствовал, что зеленеет дом!
А девочка, увидев из окна
Под самым солнцем красные гвоздики,
Не стала перелистывать картинки
И тихо просидела дотемна...

Дочке

1

На стук часов, на запах молока,
На скрип дверей и чайника шипенье —
Настроен слух и мудрое терпенье,
И тихий взгляд, и добрая рука.

И той судьбы тебе не миновать —
И щедрой быть, и ласковою самой,
И по ночной тревоге: «Мама, мама!» —
С разбуженною нежностью вставать.

2

Не бойся, доченька моя,
Грозы над помутневшим садом.
Мы всюду — вместе. Всюду — рядом.
Не бойся, доченька моя!

Меня ручонками обняв,
Клубком свернувшись на коленях,
Ты гасишь молнии мгновений,
Меня ручонками обняв.

Надежно я защищена.
Никто обидеть не посмеет.
Всей беззащитностью твоею
Надежно я защищена.

* * *

Живу и верю
неустанно
В простую заповедь
одну:
На десять лет в пути
отстану —
На сотню лет —
вперед шагну.
...Эпоха расставляет
вехи,
И поезда за Тынду
мчат...
И я могу —
в тайгу поехать,
Да время —
доченьку качать!
Что ж! На судьбу пенять
не буду:
Я разглядела сквозь
года,
Что в этом — радость,
в этом — чудо,
И в этом — вся моя беда...
Пусть покажусь
кому-то странной,
С пути-дороги
не сверну:
На десять лет
в пути отстану —
На сотню лет
вперед шагну.

Молодость

Видно, молодость в том виновата!
Как живу я — сама не пойму,
Кроме книжек да детских кроваток
Ничего не имея в дому.

Жить совсем разучилась иначе.
И, по правде сказать, — не хочу!
Я от счастья, наверно, заплачу,
Коль задаром его получу.

Не умею с притворством натужным
Без любви — говорить про любовь.
Ни дешевого счастья не нужно,
Ни богатства, ни легких хлебов.

* * *

Если ты сильный,
пожалуйста,
тише ступай, —
Дети уснули,
а в доме скрипят половицы...
Если ты сильный,
хоть в чем-нибудь
мне уступай, —
Сила пускай
для хорошего дела сгодится!
Я не пеняю нисколько
на долю свою
И понапрасну
тебя не зову на подмогу.
Только бы солнце
не меркло
в родимом краю,
Только бы ветры
чужие
не шли по дорогам.

* * *

Видишь, солнышко светит,
Земля тишиною объята.
Слышишь, как ручеек,
Возле речки журчит голосок.
Но представь:
Раздается вдруг очередь
Из автомата
И бездумные пули
Впиваются в детский висок...
Это — страшно.
Зажмурить глаза
И закупорить уши?
Убежать без оглядки?
От памяти — не убежишь.
С горькой правдой Земли
Не играем мы, взрослые,
В прятки.
Видишь, солнышко светит,
Играй же,
Не бойся, малыш!

* * *

Мне в детстве казался
Урал богатырским конем.
Он вдруг появлялся —
и мы уносились вдвоем, —
Туда, где была я —
хозяйкой земли и воды,
Туда, где пылая,
светился осколок звезды.

Урал был мне другом,
товарищем в играх моих.
Как ветер упругий, — ворвался —
и в сердце притих.
Неясною болью,
рябиновой жаркой тоской, —
Стал первой любовью
привычный пейзаж заводской.

...Над детской поляной
клубился седеющий дым,
А мир — без обмана —
остался навек молодым.
Поверить нелепо, —
что время подскажет: пора!
И новое лето
заполнит пространство двора...

Но то, что умчалось —
обратно уже не зови.

Земля! Запоздало
тебе признаемся в любви!
А юных едва ли
тревожат простые слова:
На старом Урале —
растет молодая трава.

* * *

Что в мире истинно, что ложно —
Еще не знает ученик:
Земные тайны невозможно
Прилежно вычитать из книг.

Чтоб свету радоваться — надо
Прожить немало черных дней.
Чтоб сильным стать — нужна преграда
И цель заветная за ней!

* * *

Живу — глаза не прячу, —
Лечу на красный свет.
Люблю играть в удачу,
Когда удачи нет.

Напрасно не обижу,
Слезинки не пролью.
Я честно ненавижу
И преданно люблю.

* * *

Разные бывают дни и ночи!
Улетают в прошлое они —
Над моей дорогой у обочин
Оставляя изредка огни...

Где ты, день мой, яркий, словно праздник?!
Жизнь летит безудержно вперед
И мое воображенье дразнит
Тем сильней, чем круче поворот!

Отгремят колеса, постепенно
В тишине растают и гудки...
Дни мои чем ярче, тем мгновенней!
Ночи, как дыханье, коротки!

Молодость загадочна, беспечна —
И душа бессмертная моя
Верит, что светла и бесконечна
Звонкая земная колея...

* * *

Всё в этом мире — чудо.
Каждый миг.
И первый шаг, и чистая страница,
И ты — природы робкий ученик,
И я — ее дитя и ученица.

Глядим тысячелетиям вослед,
Зубрим, не понимая, строчки, даты...
Неужто мудрецы ушедших лет
Такими ж были глупыми когда-то?

* * *

Обычными делами занята́,
Соединив судьбу иглы и нити,
Я вам кажусь, наверное, — проста
И далека от сложности событий?

Столетьями склоняюсь над шитьем,
Над колыбелью, над цветком, над речкой.
И — даже в древнем имени моем —
Мне чудится весна и бесконечность.

И — хочется сберечь очаг и дом,
И солнца добрый свет над головою,
Чтобы всегда — и завтра, и потом —
Цвело, журчало, пело все живое...

Холостяк

Надвинув фетровую шляпу,
Сминая валенками снег,
Домой привычный ужин стряпать
Идет усталый человек.

Его в любое время суток
Никто не ждет. Куда спешить?
Нарезать хлеб, помыть посуду —
Сегодня съесть, чтоб завтра жить.

И, чем-то странно озабочен,
Он дремлет чутко, как старик,
Ему впотьмах, дождавшись ночи,
Стыдливо хлопать половик...

А вечер тих... Да голос звонок!
Уж сколько лет один живет,
А за стеной чужой внучонок
Уснуть спокойно не дает.

А за другой поет соседка —
Напрасно спрашивать: о ком?
И пахнет хлебом, тертой редькой
И бесконечным табаком...

* * *

Из-под снегов, из-под валежника
Трава взошла.
Живу — упрямее подснежника,
Прямей ствола.
Не обижайтесь, сосны гордые,
Мой след забыв,
Что я — дитя большого города,
Его судьбы.
Плывет земля в цветах сиреневых —
Иди да рви...
Нам просто не хватает времени,
А не любви.

* * *

Из золотых моих осенних дней
Запомнился один, сухой, хрустящий,
Как лист, свободно по ветру летящий
Над тополями юности моей.
Над чистым полем, где передохнуть
Листва садилась стаей перелетной,
Тот день летел и щелкал беззаботно
Прощальным колокольчиком минут.
Еще не признавалась, что люблю,
Что потому такой хрустящий воздух.
Полупризнанья — около и возле —
Бесстрашно, словно бабочек ловлю...
Как я была беспечна и чиста,
Как сердце билось чутко и тревожно!
Мы говорили. Вспомнить невозможно
Без трепета. Святая простота!
А вслед летят, торопятся слова,
Спешат навстречу, — пролетают мимо.
Но как узор души, — неповторима
Пылающая на ветру листва.

Улыбка

Опять закружила зима
Слепящий снежок шаловливый.
Я многих сводила с ума
Своею улыбкой счастливой.

Казалось, что даже во сне
Печальною быть не сумею:
И многие верили мне,
И шли за улыбкой моею.

Туда, где мерцающий путь
И белых тропинок начало.
Кого-то смогла обмануть,
Кого-то и впрямь выручала.

Дорога

Звезда надежды смотрнт слишком строго —
И все ж меня уводит за собою,
И я опять шагаю по дороге,
Где осень пересыпана знмою.
Грязь глубока, а лед на реках—тонкнй,
Неверный шаг — поправят разве годы...
Быть может, отойти, свернуть в сторонку
И переждать метель и непогоду?
...Но если я, хотя бы на мгновенье,
Упрячу сердце от дождя н снега
И в знмний день согреюсь, как растенье,
Что, зеленея, не дает побега, —
Настанет время подводить нтогн,
Прндет пора затишья н покоя...
Иду, бреду, шагаю по дороге,
Где осень пересыпана знмою.

Во мне расцветала яблоня...

Недаром я в счастье верила,
Недаром и горе встретила...
Во мне прорастало дерево,
С тех пор как тебя приметила.

Во мне расцветала яблоня,
Цветы зажигались белые.
Красивой в ту пору я была, —
Любовь это чудо сделала.

Длинна-широка дороженька —
Цветки, лепестки, отросточки...
Бери, что судьбой положено, —
Не гору добра, а горсточку.

Покуда не стала старою,
Сырою землею черною, —
Возьми меня, милый, за руки,
Как брал когда-то девчонкою!

Возьми свое счастье за руки,
Пока оно к сердцу тянется,
И все до единого яблочки
Тебе одному достанутся.

3*

* * *

В который раз с тобой прощаюсь,
На самом краешке стою.
Не бойся, я не обнищаю,
Хоть все до капли раздаю.
Забыть тебя — не обещаю,
Не оскверняю ложью рот.
В который раз тебя прощаю
На три столетия вперед.

* * *

То — добрая,
То — нежная,
То — злая,
То — мстительная
В ссоре и в любви...
Я эхом быть твоим
Не обещаю:
Хорошей запоздало не зови.
Зачем мне ждать,
Когда вернется нежность,
Разыгрывать покорность,
Робость,
Страх?
Могу сама
Найти в лесу подснежник
И передвинуть стрелки на часах...
Покорной быть и слабой
Не умею.
А прогремит
Над нашей крышей гром, —
Воспоминаньем сердце обогрею
И все, что было,
Помяну добром.

Мы расставались, не шутя...

Всю горечь выпила до дна,
Слезами плакать не умею.
Хоть ночь была темным-темна,
Казалась комната темнее.

Мы расставались, не шутя,
Но ты, склонившись возле зыбки,
Поцеловал мое дитя...
И — не смогла сдержать улыбки.

* * *

Одеялом теплым укрывала.
— Ничего не бойся! — говорила.
И, когда совсем похолодало,
— Я с тобою, — тихо повторила.

— Ничего не бойся! — уверяла.
А сама так многого боялась!
— Сильным будь! — твердить не уставала
И, наверно, сильною казалась.

Сотню раз я это повторила —
Сын растет улыбчивым и смелым.
Значит, я словами не сорила, —
Обернулось слово — добрым делом.

* * *

Ни набело, ни начерно
Не мчатся годы вспять.
Себя переиначивать —
Собою не бывать.

Река моя, подруженька,
Прозрачная до дна.
Я капелькою мужества
В тебе растворена.

Пророчат мне: покаешься,
Повянешь до поры!
...Течет река по камушкам,
А камушки остры.

* * *

Отчаяньем заполнив пустоту,
Которую словами не заполнить,
Все то, что память отказалась помнить,
Вновь сердцем растревоженным прочту.

Пусть многое покажется смешным,
И глупым, и случайным, и ненужным,—
Все ж есть на свете бережная дружба
И солнышко, которым дорожим...

В электричке

Юны, беспечны, голосисты —
Они заполнили вагон.
Неистово орал транзистор,
С ним в спор вступал —
Гитарный звон.

Их песни были грубоваты,
Наивны, молоды, смешны,
Но лет семнадцати ребята,
Наверно, так и петь должны!

И — вмиг от песен стало жарко.
И — распахнули все подряд —
Штормовки, где горело ярко:
«Урал» — «Строительный отряд».

Спецовка, песня, честь мундира —
Что с вами будет впереди?
...Но четкий голос бригадира
Прервал спокойно: «Выходи!»

Сойдя на станции мгновенной,
Они исчезли в суете,
В ее простой, обыкновенной,
Привычной глазу красоте...

...А мы на миг вдвоем остались
В разволновавшейся тиши —
И, как в семнадцать, целовались —
От переполненной души.

Дорога на Кунерму*

Затяжные дожди над Кунермой,
От туманов слезятся глаза,
И скрипят, как усталые нервы,
На подъемах крутых тормоза.

Не горит отсыревшая спичка.
Зажигалку достав не спеша,
Кто-то скажет: — К туманам — привычка,
Только солнышка просит душа...

И, мгновенно примкнув к разговору,
Словно в тучах заметив просвет, —
Скажет голос другой: — Едем в гору —
И дорога за нами вослед!

Путь и вправду извилист и труден,
А гора — лишь вдали голуба...
Но, конечно, построена будет
И дорога, и жизнь, и судьба...

* Кунерма — поселок на Западном участке БАМа.

Праздник Первого поезда

Встречали его,
как встречают товарища:
Бежали навстречу, дарили цветы —
И в сердце взволнованном
живы пока еще
Мгновенья торжеств у заветной черты.
Шел поезд,
украшенный алыми стягами,
Таежное солнце смотрело с небес.
Шел праздник,
сквозь сопки,
сквозь топи с оврагами
Его пропустил расступившийся лес.
Шел поезд —
мечтам и делам
в подтверждение,
Шел поезд —
и гордость входила в сердца,
И были уместны слова о свершениях,
О жизни,
которой не будет конца,
О времени, что изменяет дистанции,
О людях,
что вновь перевыполнят план...
...И праздник пришел на далекую
станцию
С красивым и гордым названьем —
Улькан.

* * *

В последний перелет
Готовится душа:
В бессонный перелет
Через крутые волны, —
Пусть жить остался час,
Пусть жить остался год, —
Мгновенье до краев
Любовью переполни!

Душевных сил своих
Не ведает никто,
Но, если в нас жива
Любовь к своей Отчизне, —
Тогда в единый миг
Свершить сумеем то,
На что нам без любви
Не хватит целой жизни...

* * *

Зря слова из сердца вынимала,
Слезоньки горючие глотала!
Молода была, не понимала,
Что слезами — горю не помочь.
Только слез моих никто не видел,
Даже тот не видел, кто обидел.
Ясный месяц мой меня не выдал,
Никому не проболталась ночь.
...Я уже давным-давно не плачу,
Верю в жизнь сильнее, чем в удачу, —
Добрых слов ни от кого не прячу, —
Все пустое отгоняю прочь.
Прогоняю ветры да метели,
Только б живы были, не болели,
Добрыми росли и сытно ели
Милый сын да ласковая дочь.

Счастье

Не забуду, как ранней весною,
Только вьюгн утнхлн вдали, —
Долгожданное счастье земное
В клюве аисты мне прннесли.

Счастье бережно я пеленала,
Чтоб его не коснулась беда.
И нисколечко жить не устала,
Хоть летели не днн, а года.

Я не думала, счастье лелея,
Не жалея нн дней, нн ночей,
Что окрепнет оно, повзрослеет
И — умчится дорогой своей...

* * *

Кто там, за поворотом века?
Сквозь шепот сосен и снегов
Спешу увидеть человека,
Услышать шум его шагов.

И это — не пустые страсти
И не грядущему поклон:
Обточит время — лучший мастер —
Меня для будущих времен!

И — неожиданно поверю,
Что жизнь безвременна во мне,
Что не сгорят дотла деревья
В осеннем медленном огне,

Что я пройду сквозь дней просторы
Живою капелькой тепла:
Две жизни догорят не скоро,
Сама которые зажгла...

Материнский час

Лирическая поэма

О той любви,
простой и постоянной,
К земле родной
и солнышку над ней —
Не любят люди
говорить пространно
В круговороте
быстротечных дней...
Прости, что я
напомнила об этом:
Добра по-матерински
и светла —
Во всей Вселенной
лишь одна планета
И жизнь, и разум
вынянчить смогла.
Она огромной
нам казалась в детстве,
Заметно уменьшаясь
с каждым днем...
Но в трудный час
придется опереться
На землю ту,
что Родиной зовем.

1

У матерей —
неповторимы лица:
Им греет душу
свет издалека.

У них под сердцем
вызрела частица
Той жизни,
что пройдет через века.
А почему
так ласково и строго
Смотрела мать
на безмятежных нас,
Я поняла,
когда настали сроки, —
В свой самый первый
материнский час.

* * *

Шел полдень по Земле,
цветущей, древней,
И мне открылось,
что не зря живу.
Я начинала узнавать
деревья,
Я начинала понимать
траву.
И с долгожданной
радостью и болью
В полуденной
прозрачной тишине
Проснулся сын,
подаренный любовью,
И стало солнце
ласковей ко мне.
И,
в шапочки пуховые одеты,
Горячий снег
роняли тополя...

За каждую травиночку
в ответе
Спокойная и мудрая
Земля.
Наверное, уставшая от гула,
Не жалуясь,
не плача ни о чем,
Заботы мне
она перешепнула,
Когда я наклонялась
над ручьем.
И в этом счастье,
посудите сами:
Земли коснувшись,
просто, без затей,
Взглянуть на мир —
такими же глазами,
Какими смотрим
на своих детей!

2

У каждой птицы
есть свои заботы,
Но главная,
наверное, одна:
Расправить крылья
к дальним перелетам,
Когда домой
торопится весна.
И — в добрый час
подняться
к светлым звездам
Над синью
оживающих морей,

Чтобы качать птенцов
в пуховых гнездах,
Высоких гнездах
Родины своей.

* * *

Мы — женщины.
Судьба у нас едина.
У звезд кремлевских
и от них вдали —
Бессонно
мать склоняется
над сыном,
Над крошечной
кровиночкой Земли.
...Откуда эта нежность
в нас берется?
Откуда в сердце
столько доброты?
На боль чужую
сердце отзовется,
Когда той болью —
отболеешь ты.
А нежность — растворилась,
не иначе,
По капле
в материнском молоке —
И на одном наречье
люди плачут,
И на одном смеются языке.
...И ты, и я.
И в нас весна звенела,
И счастье наше
было на виду.

Не потому ли я
понять сумела
Всю боль твою —
полынь да лебеду.
Не знаю, я иль ты,
едва живая,
С дыханьем,
замирающим в груди,
Сказала,
сына к сердцу прижимая,
Любимому сказала:
«Уходи!»
...Но и в слезах,
над зыбкою сыновней
Не проклинает мать
судьбу свою.
На свете все оправдано —
любовью,
Иных законов
я не признаю.
И с каждым днем
сужу смелей
и строже,
На сто вопросов
дам один ответ:
Большая нежность
матери поможет
Зажечь в глазах ребенка
добрый свет.

3

Лишь на мгновенье
облако наплыло.
От синевы —
не оторвать лица...

В год високосный
я похоронила
В одну весну
и маму, и отца.
Нет, не пылали
над землей пожары,
И жизнь текла
привычным чередом:
Спокойно люди
сеяли и жали,
И мир держался
хлебом да трудом.
Играли щедро свадьбы,
песни пели,
Травинки
поднимались из земли,
И над Россией
празднично летели
К родным гнездам
птицы журавли...
Средь щебета весны
казались слезы
Снежинками,
растаявшими в срок...
Зашелестела листьями
береза,
А рядом вырос
горький тополек.
...Но вздрогнет сердце,
вспомнив миг прощанья,
И этот год,
и этот день,
и час:
Не зарастает
горечь расставанья

С людьми,
что вечно дороги
для нас.
Отец и мать.
Их судьбы неделимы
Ни долгою разлукой,
ни войной.
Пусть, неостывшей памятью
хранимы,
Они повсюду
следуют за мной.
И знаю,
что бы в жизни
ни случилось —
Судьбе я благодарна
до конца
За все,
чему у матери училась,
За все,
что мне досталось от отца.
Мой час настал.
Все радости со мною
И беды,
и страдания Земли,
И солнце над моею
головою,
И звездные галактики
вдали.
...Вот так, наверно,
и приходит взрослость.
Но жизнь — сильней страданий.
Потому
Настало время
в том же високосном
На свет родиться
сыну моему.

4

Опаздывают осенью
рассветы,
Желтеет зоревая полоса,
И ни теплом,
ни лаской
не согреты —
Исходят грустью
тихие леса.
Как паутина,
тянется усталость,
Опутывая сном
пространство дней,
Как будто все,
что пело, трепетало,
Землею стало,
растворилось в ней...

* * *

Как страшно спать,
когда болеют дети!
И, словно откровенье,
в трудный час
Приходит мысль:
из всех забот на свете —
О них забота —
главная для нас.
Лишь матери
разбуженное сердце
Закон Земли
хранить сумеет впредь.
Запомни:
ты пришла не обогреться —

Своим теплом
и лаской обогреть.
Вот ты склонилась
к изголовью сына,
Волнующе и бережно любя...
Ты — юная.
Ты — мудрая.
Отныне
Все называют
Матерью тебя.
Знакомо всем
простое это имя,
Никто не обойден,
не позабыт:
Земля тебя согреет и обнимет
И за труды
сполна вознаградит.
Сберечь бы только
землю
от пожарищ,
Чтоб рос твой сын,
как колосок, хорош!
Ему ты солнце щедрое
подаришь
И поле,
по которому идешь.
Ты жизнь,
как удивительную сказку,
Для будущих столетий
сберегла,
И в этой сказке —
полыхают краски,
Дорога —
прямо к звездам
пролегла...

5

Не где-то за морями,
за лесами, —
А в доме, у трамвайного кольца,—
Жила на свете
девочка,
с глазами,
Летящими
с веселого лица.
Ее глаза
догнать хотели время,
Понять движенья
трав, деревьев, звезд...
Но детство,
будто светлая поэма,
Неповторимо-быстро
пронеслось.

* * *

Вставай, мой сын,
пройдем по разнотравью,
По утренней,
нетронутой росе!
Летят года,
и я тебя не вправе
Удерживать
на взлетной полосе.
Но сохранит Земля
обычай древний:
На тех местах,
где мы сейчас идем,
Поднимутся размашисто деревья
И радуги,
рожденные дождем...

Глаза-озера
солнечно смеются.
Земля,
как мать счастливая,
горда:
Уходят сыновья,
но остаются
Высокие мосты и города.
Уходят сыновья.
Смыкая плечи,
Они границы мира
сторожат.
А матери —
они спешат навстречу
И медленно
выходят провожать...
Но если в письмах
неразборчив почерк
И тороплив,
но искренен поклон,
Пойми:
твой сын —
всемирно озабочен
Полетом дней
и судьбами времен.
Пусть по душе
ему найдется дело.
Я говорю об этом
потому,
Что есть предел Земле,
но нет предела
Восторженному сердцу
и уму.
Лети, мой сын,
туда,
где зори тают,

Пойми Земли
простую красоту...
Как быстро
наши дети вырастают,
Как быстро постигают
высоту!
Быть может,
им покажется планета
Пылиночкой
у солнца на весу...
Я — мать.
И потому
за все на свете
Огромную
ответственность
несу.

* * *

Лишь утра
согревающие краски
Сверкнут
на речки синем рукаве,
И снова солнце,
щедрое на ласки,
Привычно приближается
к Москве.
Над речкою
наклонится напиться,
Согреет башни
древнего Кремля...
...В судьбе моей,
как в капле,
отразится
Твой материнский час,
моя Земля!

Содержание

Любовь Анатольевна Ладейщикова

Материнский час

Стихотворения
и поэма

Редактор
А. Волобуев

Художник
А. Козлов

Художественный редактор
В. Покатов

Технический редактор
В. Никифорова

Корректор
З. Князькова

ИБ № 1808. Сдано в набор 10.08.79. Подписано к печати 14.12.79. А10634. Формат $70x90/_{32}$. Гарнитура обыкнов. нов. Печать высокая. Бумага тип. № 1. Усл. печ. л. 2,93 Уч.-изд. л. 2,07. Тираж 10 000 экз. Заказ 2290. Цена 25 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета, РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР 121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

390012, Рязань, Новая, 69/12.
Рязанская областная
типография

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзывы о книге, ее содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении, направлять по адресу:
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4
Издательство «Современник»

25 коп.

В БЛИЖАЙШЕЕ ВРЕМЯ В СЕРИИ ВЫЙДЕТ СБОРНИК СТИХОВ ЕЛЕНЫ ИВАНОВОЙ «ЗА ДЕСНОЮ-РЕКОЮ». ДВЕ ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ЕЕ КНИГИ — «МЕЛОДИЯ» И «РОСТОК» — ИЗДАНЫ НА СТАВРОПОЛЬЕ, ГДЕ ЖИВЕТ И РАБОТАЕТ АВТОР. НО ПОЭТИЧЕСКОЙ РОДИНОЙ ЕЕ БЫЛА И ОСТАЕТСЯ БРЯНЩИНА — КРАЙ ЛЕСОВ И ПОЛЕЙ. ПОЭТОМУ НЕ СЛУЧАЙНО ПОЧТИ В КАЖДОМ СТИХОТВОРЕНИИ ПРОГЛЯДЫВАЮТ ДОРОГИЕ СЕРДЦУ АВТОРА ЧЕРТЫ СРЕДНЕРУССКОЙ ПОЛОСЫ. ОРГАНИЧНОЕ СОЕДИНЕНИЕ ГЛУБОКО ЛИЧНОГО, ИДУЩЕГО ОТ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУДЬБЫ, С ФИЛОСОФСКИМ ОСМЫСЛЕНИЕМ МНОГОСЛОЖНОСТИ МИРА ХАРАКТЕРНО ДЛЯ ЛУЧШИХ СТИХОТВОРЕНИЙ ЭТОЙ КНИГИ.

Первая книга в столице